

Куда ведешь нас, «авторская икона»? (о духовном и индивидуальном в иконописи)

Горбунов С. С. (ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5925-7842>)

к.филос.н., независимый исследователь

Москва, Россия

В работе рассматривается вопрос о духовных основаниях иконописного творчества в контексте проблемы так называемой «авторской иконы» – феномена конца XX – начала XXI века. Приводятся аргументы нравственно-богословского порядка, которые позволяют раскрыть сущность творчества художника-иконописца как в высшей степени ответственного, существующего в нравственном и духовном измерениях. Приводится аргумент о необходимости постоянного нравственного бодрствования творца для преуспевания его в духовной жизни, а следовательно, и в своей деятельности. Исходя из христианских нравственно-богословских предпосылок ставится вопрос о границах допустимости самовыражения в иконописном искусстве. Не разделяя, в целом, «теургический» подход к теории иконописи, сформировавшейся в русской богословской и религиозно-философской мысли XX века (Вл. С. Соловьев, Н. Бердяев, С. Булгаков, П. Флоренский), автор все же указывает на сакрально-каноническое значение иконы как объекта, «спомоществующего» молитве и сакрализации физического пространства. Исходя из вышеуказанных предпосылок, следует задаться вопросом о созвучии феномена «авторской иконы» многовековому опыту христианской художественной иконописной традиции.

Ключевые слова: икона, авторская икона, духовность, духовная жизнь, искусство, Игнатий (Брянчанинов), покаяние, смирение.

Where are you leading us, «author's icon»? (on the spiritual and the individual in icon painting)

S. S. Gorbunov (ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5925-7842>)

PhD in Philosophy, independent researcher

Moscow, Russia

The paper examines the issue of the spiritual foundations of icon-painting creativity in the context of the problem of the so-called “author's icon” – a phenomenon of the late 20th – early 21st century. Arguments of a moral and theological nature are presented, which make it possible to reveal the essence of the icon painter's creativity as an extremely

responsible endeavour, existing in moral and spiritual dimensions. An argument is put forward regarding the necessity of the creator's constant moral vigilance in order for them to succeed in their spiritual life, and consequently in their work. Based on Christian moral and theological premises, the question is raised about the boundaries of what is permissible in terms of self-expression in icon-painting art. Without generally sharing the "theurgic" approach to the theory of icon painting that emerged in Russian theological as well as religious and philosophical thoughts of the 20th century (V. Solovyov, N. Berdyaev, S. Bulgakov, P. Florensky), the author nevertheless points to the sacramental and canonical significance of the icon as an object that facilitates prayer and sacralizes physical space. Based on the aforementioned premises, one should ask whether the phenomenon of the "author's icon" aligns with the centuries-old experience of the Christian artistic icon-painting tradition.

Keywords: icon, author's icon, spirituality, spiritual life, art, Ignatius (Brianchaninov), repentance, humility.

*«Бог гордым противится, а смиренным дает благодать»
(Иак. 4:6)*

Введение

Прошедшая первая четверть XXI века ознаменовалась для нашего Отечества духовным подъемом. Открылись и строятся до поры заброшенные и закрытые храмы, произошел ренессанс церковного искусства. Прерванная когда-то традиция иконописных школ вновь возродилась после почти векового пробела в своей истории. Впрочем, насколько корректно говорить здесь именно о традиции? Этот вопрос до сих пор остается открытым. Ведь традиция – есть *живая и непрерывная* передача опыта сквозь время¹. Иное не является в сущности традицией, а представляет собой лишь копирование, подражание². И сколь искусным оно бы не представлялось копирование остается копированием. В этой связи чрезвычайно важным становится вопрос о роли духовного в церковном искусстве: в процессе работы и становления художника.

Российский исследователь искусства и религии В. В. Барашков в своем диссертационном исследовании указывает на примечательный и теперь

¹ Я благодарен замечательному современному иконописцу В. А. Борисову за это определение (*прим.* – С. Г.). Подробнее об этом см.: *Борисов В. А. Современная икона. Изобретение традиции* // Вестник церковного искусства и археологии. – 2020. – №1. – С. 155–173. URL: <https://publishing.mpa.ru/index.php/church-art-review/article/view/499/404> (дата обращения: 15.06.2026).

² Осмелимся предположить, что в связи с историческими условиями живая иконописная традиция в нашем Отечестве сохранилась лишь локально (например, в Палехе, где даже в советские годы художники продолжали писать иконы, конечно, сугубо частным образом, а техника и приемы «палехского» иконописного письма были законсервированы в виде палехской лаковой миниатюры). Таким образом, живая традиция, как передача опыта «из рук в руки», в большинстве своем была утрачена и, по меткому замечанию В. А. Борисова, на сегодняшний день можно говорить скорее не об общем продолжении, а об «изобретении» традиции. Впрочем, это тема для отдельного и глубокого художественно-историко-культурологического исследования.

уже очевидный тезис: «Деятели христианских церквей, религиозные мыслители Западной Европы в XX веке, *констатировав упадок церковного искусства* (курсив – С. Г.), были вынуждены пересмотреть своё отношение к светскому изобразительному искусству, признав его право на автономию, и отказаться от подмены в своей оценке произведений художественных критериев догматическими требованиями. Со 2-й половины XX века эта позиция стала доминирующей как в католической церкви, так и в ряде протестантских деноминаций Западной Европы».¹

Таким образом, на Западе мы, вероятно, встречаем постхристианскую эпоху в церковном искусстве; тогда как на Востоке находим прерванную традицию. Что можно противопоставить этим двум факторам?

О смирении и христианском искусстве (Основная часть и дискуссия)

Митрополит Антоний Сурожский в свое время отмечал следующее важнейшее обстоятельство: «Искусство должно заключать в себе содержание, и это содержание должно быть таково, что когда оно оказывается перед тем, кто его воспринимает, зритель или слушатель вырастает над тем, что он есть, а не опускается ниже».²

Как отмечает в своей статье протоиерей А. Салтыков: «Сейчас у художников, которые занимаются религиозным искусством, много чрезвычайно разных исканий – здесь и поиски сюжета, и поиски стиля, и средств выражения, и новые материалы... Это понятно, поскольку непрерывно меняется сама жизнь. Но религиозное, священное требует особой осторожности, поскольку тут происходит соприкосновение с духовным миром»³. Дерзновенно поправим предложение о. Александра, переосмыслив «искания», скорее как «искушения», ведь: «За каждым жестом, за каждой складкой, за каждой горкой в иконе – масса смыслов. И просто менять все это ради того, чтобы сказать свое новое слово, по меньшей мере безрассудно. *Пытаясь специально внести что-то от себя, можно вынести самое главное*» (курсив – С. Г.)⁴. А это, как ни посмотри, большой промах.

Очень хорошо о демаркации религиозного (церковного) и светского (секулярного) искусства пишет в своей статье современный российский художник-иконописец В. А. Борисов. Приведем его определение полностью: «Цели и задачи светского и религиозного искусства абсолютно различны, если не сказать, противоположны. Светский художник занят самовыраже-

¹ Барашков В. В. Религии и искусство на перекрестке культур западной Европы рубежа XX–XXI вв. : автореф. дисс. ... доктора филос. наук. – М., 2025. – С. 3–4.

² Антоний, митрополит Сурожский. Красота и уродство. Беседы об искусстве и реальности. – М.: Никея, 2024. – С. 160.

³ Салтыков А., протоиерей. «Сентиментальные иконы: что с ними не так?» [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.miloserdie.ru/article/sentimentalnye-ikony-chto-s-nimi-netak/?ysclid=mqf0uk04a0189572745> (дата обращения: 15.06.2026).

⁴ Мироненко Д. Проблему «авторской» иконы нам навязывают. [Электронный ресурс]. – URL: <https://pravoslavie.ru/133017.html?ysclid=mqf4xk5gwv198313473> (дата обращения: 15.06.2026).

нием, поиском собственного неповторимого языка, индивидуальной манеры. Задача церковного искусства – это выражение в художественных образах учения и опыта Церкви, благоговейное хранение священного предания, которое художник не имеет права искажать своевольными творческими порывами. Светское искусство требует постоянного обновления художественных форм. Произведения культового искусства веками сохраняют традиционные приемы и образы. В центре светского искусства находится творческая индивидуальность, сердцевину церковного искусства составляет анонимная традиция»¹.

Как известно, искусство как таковое определяется сегодня как отдельная форма духовной культуры – выражение внутреннего мира (эмоционального, мировоззренческого, идейного) художника сквозь его произведения, результат его творчества. Но насколько правомерно говорить о выражении себя, своего «его» когда речь идет о духовном искусстве? С. Булгаков в своем докладе «Религия и искусство» определяет последнее как: «Раскрытие красоты не только в мире, но и в человеке, или, выражаясь более точными словами, это самораскрытие человека как образа Божьего»². Известно, что И. С. Бах (пусть простит нас читатель за такое, казалось бы далекое отвлечение), чье творчество по меткому выражению одного исследователя-музыковеда 1930-х годов, «на три четверти представляло собой обслуживание протестантского культа»³, начинал рукописи своих произведений со слов «Господи, помоги» (*Jesu, juva*), заканчивал же аббревиатурой «S.D.G.» (*Soli Deo Gloria*) – «Лишь Богу Слава». В отечественной традиции это можно интерпретировать как: «Не нам, не нам, а Имени Твоему дай Славу» (Пс. 113:9). На протяжении веков именно в этой парадигме и развивалось искусство иконописания. Имена боговдохновенных мастеров: Дионисия, Феофана Грека, мастеров круга преп. Андрея Рублева (в русской традиции), Мануила Панселина (в греческой) – становились не просто «хрестоматийными» примерами стиля (хотя само понятие о «стиле» появляется очень поздно – в эпоху модерна), но рождали новые приемы, оставаясь при этом в *соборном* каноне, дополняя его, но не изменяя. Их творчество было направлено не к самовыражению, но прежде всего к Богу. По крайней мере, у нас нет надежных свидетельств тому, что они пытались запечатлеть именно свое имя в духовном искусстве⁴.

¹ Борисов В. А. Маньера грека в живописи Италии XIII–XIV вв. (неопубл. работа, personal communication).

² Бирюков А. А. «Религия и искусство»: богословская эстетика протоиерея Сергея Булгакова // Вестник Свято-Филаретовского института. – 2026. – №2. – С. 110.

³ Иванов-Борецкий М. К. Предисловие. // А. Швейцер. И. С. Бах. / пер. с фр. З. Ф. Савеловой. – М.: Гос. изд-во муз. лит. – 1934. – 271 с.

⁴ Впрочем, ради исследовательской честности, необходимо сказать о том, что очень сложно (практически невозможно) судить о психологии творцов столь далеких времен и тем более реконструировать ее – любая подобная реконструкция останется лишь реконструкцией.

Однако эпоха модерна привнесла (без преувеличения) во все сферы искусства (как светского, так и духовного/церковного) новые веяния. Опираясь на идеи просвещения XVIII столетия, все увеличивается роль автора в создании своего произведения. Отныне он – творец – становится центром. В духовном искусстве это может означать потрясающую духовную опасность, заключающуюся в том, что творец забывает, затмевает собою Творца. Такое замещение горнего дольным может скрывать в себе большую духовную опасность, если происходит в плоскости религиозного искусства (хотя, и не только). Примеры мы можем видеть в современности во всей своей многочисленности и во всем своем разнообразии. Мы специально не будем приводить их здесь, чтобы избежать потенциальных конфликтов (каждый может сам найти примеры во всемирной сети интернет).

Если начало XX века стало временем «второго открытия» русской иконы, ее переосмысления (к сожалению, отчасти во многом спекулятивного), то в конце столетия (после десятилетий забвения) появляется новый интерес и отдельное понятие – «авторская икона». В столетии XXI оно продолжает свое развитие. Еще сто лет назад это определение – «авторская икона» – казалось бы оксюмороном, бессмыслицей, ведь иконы, как правило, даже не подписывались, тем более сокращалось в них участие автора. Всё в иконе было обращено к горнему, высшему началу. В этой связи авторский вклад был не столь значим. Сегодня же мы видим обратное. Нам не хотелось бы заострять внимание на отдельных аспектах и анализе феномена авторской иконы. Это уже сделали и делают культурологи, искусствоведы и богословы. Нам невозможно спорить или соревноваться с ними, просто ввиду отсутствия соответствующих компетенций, знаний и опыта. Но все же можно поставить вопрос об авторской иконе как о феномене духовном. Что есть авторская икона с духовной точки зрения? И тут мы неизбежно приходим к вопросу о личности художника-творца с высоты самого понятия о духовности.

Более чем полтора века назад – в 1855 г. – этим же вопросом о месте и призвании художника задавался М. И. Глинка, когда приехал в Приморскую Троице-Сергиеву пустынь под Петербургом к архимандриту Игнатию (Брянчанинову)¹. Считается, что итогом этой встречи стал небольшой текст духовной прозы, который будущий святитель – «цевница духовная»², – выразил в виде диалога христианского художника и христианского пастыря³. В нем художник задается вопросом о своей роли и своем предназначении. Пастырь же отвечает ему, что подлинно духовное искусство возможно лишь

¹ Примечательно, что М. И. Глинке в то время был 51 год, тогда как свт. Игнатию всего 48 лет. Таким образом, мы видим здесь разговор не учителя с учеником, а ровесников средних лет с различным жизненным опытом.

² Эпитет из тропаря святителю.

³ *Игнатий (Брянчанинов), святитель. Христианский пастырь и христианский художник.* [Электронный ресурс]. – URL: https://azbyka.ru/otechnik/Ignatij_Brjanchaninov/literaturno-poeticheskie-sochinenija-zametki-o-tvorchestve/#0_17 (дата обращения: 15.06.2026)

тогда, когда душа очистится – «выправится» Евангелием. А это непростой и долгий процесс, который начинается с принесения плодов покаяния, смирения, затем обретения и наставления всего ума своего в согласии с евангельскими заповедям, и лишь только, выправившись (насколько это возможно силам человеческим с помощью Божией) из естественного состояния, в котором добро непременно смешано в человеке со злом, художник может создать подлинно духовное произведение.

Конечно, мы не станем пересказывать здесь текст святителя. Это и не нужно. Сегодня его легко найти. Однако примечательно, как в трех предложениях описанный выше процесс духовного становления [христианина] рассматривает проф. А. И. Осипов: «Кому нужен Спаситель? – говорит он. – Лишь тому, кто понимает, что утопает [в грехах и нерадении своем о выполнении заповедей Евангельских, понимает всю тщетность своих личных усилий исправить это положение]». Поэтому первый признак духовного исцеления – видеть немощь свою. Первый же признак духовного выздоровления – покаяние сердечное и плач духовный. Все это означает, что духовная жизнь, настраивающая человека на лучшие образцы и мотивы, в том числе и искусства, совершенно необходима художнику. «Основой христианства»¹ называет смирение в одной из своих проповедей свт. Лука Крымский. И более того: «Без смирения нет христианства»²; «Смирение есть начало всякой христианской добродетели»³. По слову апостола: «Бог гордым противится, а смиренным дает благодать» (Иак. 4:6).

С. Булгаков верно замечает, что «даже когда искусство не является строго культовым, оно все равно остается религиозным, пока является истинным искусством, потому что оно раскрывает Красоту, т. е. руку Бога в мире»⁴. Икона не есть предмет индивидуального авторского самовыражения – выражения падшей человеческой природы, в которой добро непременно смешано со злом, икона – произведение духа, который всецело *стремится* к тому, чтобы привести здесь, на земле, отражение горнего мира⁵. Это предположение оспаривается нашими современниками, но иметь его в палитре

¹ Лука (Войно-Ясенецкий), святитель. «...Сила моя в немощи совершается». Избранные проповеди и поучения. – М.: Издательство «Омега-Л», 2025. – С. 161.

² Там же.

³ Там же. С. 165.

⁴ Бирюков А. А. «Религия и искусство»: богословская эстетика протоиерея Сергея Булгакова // Вестник Свято-Филаретовского института. – 2026. – №2. – С. 111–112.

⁵ «В византийской и в древнерусской иконописи выработался стиль, соответствующий практике “безвидной” молитвы. Художественные средства, применяемые средневековыми художниками, были направлены на то, чтобы минимизировать поток образов, препятствовать движению фантазии, “блужданию ума”, как это называли Св. Отцы. На иконах элементы пейзажа, детали одежды, бытовые предметы были сведены к простым, лишенным иллюзорности знакам. Для изображения тела и лица тоже выработались условные схемы. Все составлялось из простых типовых элементов» (Цит. по: Борисов В. А. Эволюция образа распятия Христова в итальянской живописи XII–XIV вв. «Безвидная молитва» и чувственное воображение // Вестник церковного искусства и археологии. – 2022. – №1. – С. 61. URL: <https://publishing.mpsa.ru/index.php/church-art-review/article/view/1348/1191> (дата обращения: 23.06.2026).

всех видов понимания иконы совершенно необходимо. В противном случае искусство иконописи рискует превратиться из подлинно христианского в постхристианское, как это произошло с иными видами искусства в процессе их временного развития. В защиту этой точки зрения хотелось бы привести цитату из ответа митр. Антония Сурожского на вопрос о том, как понимание красоты связано с христианством. Вот его ответ: «Если позволите, я процитирую Достоевского. Он говорил, что совершенная красота явлена нам во Христе, Боге воплощенном. С точки зрения христианина, Христос являет совершенство человеческой красоты и откровение наполняющей Его Божественной красоты. С другой стороны, христианство требует цельности разума и сердца, требует нравственного отношения, то есть не только соблюдения правил, но подхода, который исключает то, что А. Мальро¹ называет псевдоискусством или псевдокрасотой, – то есть явления разрушительные в нравственном смысле, потому что *красота должна быть больше, чем пленяющая и привлекательная форма*²...» (курсив – С. Г.)³. Кроме того, митр. Антоний определяет красоту в самом общем ее смысле как «высшее откровение творения и Творца». «Когда Бог смотрит на человека, Он видит в нем не добродетели и достижения, которых может и не быть, но ту красоту, которую ничто не может уничтожить»⁴.

Святитель Иоанн Шанхайский, который разбирал проблематику православной иконы, очень точно указывал, что построение ее идет от взгляда – от лица, остальные же элементы являются как бы дополнением иконографии⁵. Следовательно, канон – сложившееся со временем эстетико-философское понимание композиции и приемов в написании иконы, не просто череда копирования, а глубоко осмысленная «прожитая» концепция, введенная в изобразительную форму (или формулу).

Иконописание всегда было творчеством соборным, поскольку происходило из традиции, а традиция как живая передача опыта имеет в себе объединяющее многочисленный опыт поколений начало. Пусть мы не можем войти подлинно в психологию старых мастеров⁶, но мы можем прикоснуться к их наследию. Однако, соборность иконописи заключается не только в объединяющем опыте поколений – каноне, но и в совместном труде иконописца и заказчика (заказчиков) иконы (пусть даже потенциальных) как средстве *спомоществующем* благоговейной умно-сердечной молитве.

¹ Андре Мальро (1901–1976) – французский писатель, культуролог.

² Причем привлекательность эта может быть не только сугубо эстетической, но и эмоциональной (душевной и телесно-душевной) – прим. С. Г.

³ Антоний, митрополит Сурожский. Красота и уродство. Беседы об искусстве и реальности. – М.: Никея, 2024. – С. 90.

⁴ Там же. С. 24.

⁵ Подр. см. Иоанн (Максимович), святитель Шанхайский и Сан-Францисский. Об иконописи. [Электронный ресурс]. – URL: <https://stjohndc.org/ru/o-pravoslavii/propovedi-o-raznom/ob-ikonopisi-sv-ioann-shanhayskiy> (дата обращения: 28.06.2026).

⁶ Это обстоятельство я считаю принципиально важным. – С. Г.

«Святые иконы, – пишет свт. Игнатий (Брянчанинов), – приняты святою Церковью для возбуждения благочестивых воспоминаний и ощущений, а отнюдь не для возбуждения мечтательности (в современной терминологии – *экзальтации* – прим. С. Г.). Стоя пред иконою Спасителя, стой как бы пред Самим Господом Иисусом Христом, вездесущим по Божеству и иконою Своею присутствующим в том месте, где она находится. Стоя пред иконою Божией Матери, стой как бы пред Самою Пресвятою Девою; но ум твой храни *безвидным* (курсив – С. Г.): величайшая разница быть в присутствии Господа и предстоять Господу, или воображать Господа»¹.

Благоговейное же отношение к иконе происходит из совести. Совесть – есть орган нравственного чувства, естественный закон: «глас Божий в душе человеческой». Сама приставка «со-» в слове «совесть», возможно, говорит о взаимодействии (в процессе нравственного самосознания) – симфонии человеческого и божественного². Одновременно с этим совесть – есть тот эталон, тот «духовный камертон», который заставляет человека бодрствовать над устроением всей своей жизни. В том числе, жизни творческой. «Иконописцу в высшей степени нужна, по выражению Аввы Дорофея, «совесть к вещам», к тем иконам, которые он дерзает писать. А совесть требует постоянного очищения».³

Коснемся (лишь слегка) важнейшей темы вдохновения художника. Писать на эту тему следует максимально осторожно, поскольку с христианской точки зрения подлинное вдохновение – есть плод стяжания Духа (и рассуждать на эту тему может лишь тот, кто сам удостоился приобщения к Духу). И всё же следовало бы осветить следующий аспект: безусловно, вдохновение – краеугольный камень художественного творчества, поскольку по духовному закону⁴: «Дух творит себе формы»; «Буква убивает – дух животворит» (2 Кор. 3:6), – говорит апостол. Однако разумение природы вдохновения и воли Духа – есть *дар*, который по словам и опыту святых отцов становится доступен человеку, лишь правильно относящемуся к собственной духовной жизни (показательным примером здесь являются святые), начатки же этого отношения лежат в основных добродетелях христианина,

¹ Борисов В. А. Эволюция образа распятия Христова в итальянской живописи XII–XIV вв. «Безвидная молитва» и чувственное воображение // Вестник церковного искусства и археологии. – 2022. – №1. – С. 60. (Цит. по: Игнатий (Брянчанинов), *святитель*. Творения: в 5 т. – Т. 1. – М.: Паломник, 2014. – С. 159).

² Мы сознательно не будем применять здесь термин «теургия», ставший популярным в богословской мысли XX века. (Подробнее об этом см. напр.: Белоусов П. А., Ерофеева В. А. Русская религиозная философия о теургическом смысле искусства: мистическая и мирская перспектива художественного творчества // Искусство и религия: бытие в ландшафте: сб. науч. докл. – Владимир: ВлГУ, 2026. – С. 85–102).

³ Салтыков А., *протоиерей*. «Сентиментальные иконы: что с ними не так?» [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.miloserdie.ru/article/sentimentalnye-ikony-chto-s-nimi-netak/?ysclid=mqf0uk04a0189572745> (дата обращения: 15.06.2026).

⁴ Определение проф. А. И. Осипова – см. Осипов А. И. О чём говорил Иисус? По Евангелию от Матфея. – М.: Издательство АСТ, 2025. – С. 104.

которые хорошо известны из многовекового духовного опыта Церкви Христовой (об этом, впрочем, уже было сказано выше).

Заключение

В завершение работы приведем еще одну цитату свт. Игнатия (Брянчанинова): «Иконописец должен твердо знать догматы Православной Церкви и вести жизнь глубоко благочестивую, потому что назначение иконы – наставлять народ изображениями. Посему иконы должны сообщать понятия истинные, чувствования благоговейные, точно – благочестивые. В противном случае икона будет действовать так, как бы действовал с кафедры проповедник, зараженный лжеучением или с одними познаниями литературными без познаний богословских»¹. Говоря же в более общих категориях: «Узнав на опыте, что заповеди Божии исполняются только при обязательном содействии Божией благодати, испрашивая себе непрестанно это содействие, христианин не может не приписывать всех добрых дел своих Божией благодати. Вместе с тем, он не может не признавать себя и грешником. С одной стороны он узнал *опытно* (курсив – С. Г.) свои падение и неспособность к исполнению воли Божией одними собственными силами, с другой, он и в самом исполнении заповедей Божиих при помощи благодати видит непрестанные погрешности, вводимые немощью и падением человеческими»².

«Чем наипаче удерживается в душе благодать? Смирением. За что наипаче отходит? От какого-нибудь движения гордости, самомнения, самонадеянности. Как только ощутит она внутри этот дурной запах гордыни, тотчас и удаляется»³, – говорит свт. Феофан Затворник.

Исходя из этого, вернемся к вопросу об авторской иконе: Что авторского может быть в ней, когда творец, удаляясь в себе от ветхого человека, обретет начатки *смирения*? Иначе: как может проявить себя подлинный дух, если не приобретет человек этих начатков? Оставим этот вопрос открытым. Каждый художник волен сам ответить для себя на него. Одно видится совершенно точным – чем больше искусство приближается к Господу, тем меньше в нем остается места для дольнего – психологического, эмоционального, телесно-душевного, только лишь человеческого.

Возвращаясь же к вопросу об упадке церковного искусства на Западе и синхронном ему прерывании традиции на Востоке, можно предположить, что противопоставить этим двум факторам можно главное – подлинную ду-

¹ *Игнатий (Брянчанинов), святитель*. Живопись церковная. [Электронный ресурс]. – URL: https://azbyka.ru/otechnik/Ignatij_Brjanchaninov/simfoniya-po-pismam-svjatitelja-ignatija-brjanchaninova/163 (дата обращения: 27.06.2026).

² *Игнатий (Брянчанинов), святитель*. Кто жаждет иди и пей. Путеводитель по творениям святителя Игнатия (Брянчанинова) / сост. Ю. В. Романец. – М.: Благовонница, 2018. – С. 204.

³ *Феофан Затворник, святитель*. «Спасайтесь!» Путеводитель по творениям святителя Феофана Затворника : в 2 т. – Т. 1. / Сост. Ю. В. Романец. – М.: Церковно-историческое общество, 2019. – С. 236.

ховную жизнь художника: *его совесть и духовное разумение (об этом выше)*, которые могли бы непрерывно (пусть это всего лишь смелое предположение) находить свое отражение в его работах.

Благодарности: М. М. Бокаревой (Палех, ГМПИ) за идею написания настоящей работы, д.филос.н. В. В. Барашкову (Москва, РУДН им. Патриса Лумумбы), В. А. Борисову (Ульяновск) и Н. С. Пискуновой (Москва) за ценные идеи, правки и консультации.

Декларация об использовании средств генеративного искусственного интеллекта: при создании настоящей работы не использовались средства генеративного искусственного интеллекта (GenAI) ни в какой части работы.

Литература

1. Антоний, митрополит Сурожский. Красота и уродство. Беседы об искусстве и реальности. – М.: Никея, 2024. – 192 с.
2. Барашков В. В. Религии и искусство на перекрестке культур западной Европы рубежа XX-XXI вв. // Автореф. дисс. ... доктора филос. наук. – М.: 2025. – 54 с.
3. Белоусов П. А., Ерофеева В. А. Русская религиозная философия о теургическом смысле искусства: мистическая и мирская перспектива художественного творчества // Искусство и религия: бытие в ландшафте: сб. науч. докл. – Владимир: ВлГУ, 2026. – С. 85–102.
4. Бирюков А. А. «Религия и искусство»: богословская эстетика протоиерея Сергея Булгакова // Вестник Свято-Филаретовского института. – 2026. – №2. – С. 92–125.
5. Борисов В. А. Современная икона. Изобретение традиции // Вестник церковного искусства и археологии. – 2020. – №1. – С. 155–173.
6. Борисов В. А. Эволюция образа распятия Христова в итальянской живописи XII–XIV вв. «Безвидная молитва» и чувственное воображение // Вестник церковного искусства и археологии. – 2022. – №1. – С. 58–74.
7. Иванов-Борецкий М. К. Предисловие. // А. Швейцер. И. С. Бах. / пер. с фр. З. Ф. Савеловой. – М.: Гос. изд-во муз. лит. – 1934. – 271 с.
8. Игнатий (Брянчанинов), святитель. Живопись церковная. [Электронный ресурс]. – URL: https://azbyka.ru/otechnik/Ignatij_Brjanchaninov/simfoniya-po-pismam-svjatitelja-ignatija-brjanchaninova/163 (дата обращения: 27.06.2026).
9. Игнатий (Брянчанинов), святитель. Кто жаждет иди и пей. Путеводитель по творениям святителя Игнатия (Брянчанинова) / сост. Ю. В. Романец. – М.: Благовонница, 2018. – 795 с.
10. Игнатий (Брянчанинов), святитель. Творения: в 5 т. – Т. 1. – М.: Паломник, 2014. – 656 с.
11. Игнатий (Брянчанинов), святитель. Христианский пастырь и христианский художник. [Электронный ресурс]. – URL: <https://azbyka.ru/>

otechnik/Ignatij_Brjanchaninov/literaturno-poeticheskie-sochinenija-zametki-otvorchestve/#0_17 (дата обращения: 15.06.2026)

12. Иоанн (Максимович), святитель Шанхайский и Сан-Францисский. Об иконописи. [Электронный ресурс]. – URL: <https://stjohndc.org/ru/opravoslavii/propovedi-o-raznom/ob-ikonopisi-sv-ioann-shanhayskiy> (дата обращения: 28.06.2026).

13. Салтыков А., протоиерей. «Сентиментальные иконы: что с ними не так?» (интервью с Д. Сидоровым, М. Хорьковой). [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.miloserdie.ru/article/sentimentalnye-ikony-что-s-nimi-netak/?ysclid=mqf0uk04a0189572745> (дата обращения: 15.06.2026).

14. Лука (Войно-Ясенецкий), святитель. «...Сила моя в немощи совершается». Избранные проповеди и поучения. – М.: Издательство «Омега-Л», 2025. – 416 с.

15. Мироненко Д. Проблему «авторской» иконы нам навязывают (интервью с О. Головки). [Электронный ресурс]. – URL: <https://pravoslavie.ru/133017.html?ysclid=mqf4xk5gwv198313473> (дата обращения: 15.06.2026).

16. Осипов А. И. О чём говорил Иисус? По Евангелию от Матфея. – М.: Издательство АСТ, 2025. – 320 с.

17. Феофан Затворник, святитель. «Спасайтесь!» Путеводитель по творениям святителя Феофана Затворника : в 2 т. – Т. 1. / сост. Ю. В. Романец. – М.: Церковно-историческое общество, 2019. – 717 с.

С. Горбунов, нач. 04.06.2026 (Москва)

зак. 17.07.2026 (Москва)